

Лариса и Юлия Митрофановы

Вера, Надежда и Любовь

короткие истории о главном

12+

Лариса Митрофанова
Вера, Надежда и Любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Митрофанова Л. А.

Вера, Надежда и Любовь / Л. А. Митрофанова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга - плод совместного творчества матери и дочери. Композиционно она включает в себя поэтические и прозаические изложения на заданные сюжеты. При этом эпизоды разыгрываются на разных смысловых уровнях. Темы повествований - самые разные и по смыслу скомпонованы в разделы "Вера", "Надежда" и "Любовь". Заключительная глава "Настроение" включает в себя разделы "Атмосфера", "Путешествие" и "Времена года".

Содержание

Вера	7
И света луч струился по портъере...	7
Впереди жизнь	9
Послание скептикам, сомневающимся в пользе поэзии	10
Жизнь заново	11
Взгляни на звезду	12
Переосмысление	13
Вернись	14
Освобождение	15
Воину	16
Пополам	17
О главном	18
Слуга	19
Добрые вести	20
Персонаж	21
Ты прожил не зря	22
Две пары башмаков	25
Старая женщина	26
Кругом одни таланты	27
Момент	28
Итог жизни	29
Цена свободы[3]	30
Сонные стихи	33
Явный сон	34
36	35
Жизнь	36
Я есмь	37
Абстракция	38
Акварель «качели»	39
Карусель	40
Пусть!	41
Музыка души	42
Застывшее время	45
Сказка	46
Не грусти!	47
Искатель чудес	48
Дорога к храму	49
Гимн гармонии	50
Тщетность	51
Очищение	52
Беглец	53
Твой выбор	55
Старые лица	56
Жизнь прекрасна в простоте!	57
Чудо	58
Странник	59

Запах времени	60
Лёгкость	61
Надежда	62
Ван Гог. «Подсолнухи»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Знай:

жизнь постоянно будет удивлять тебя,
вселять в тебя бесконечные сомнения перед принятием решений,
неоднократно испытывать на зрелость,
ставить перед тобой множество преград, которые нужно преодолеть,
задавать вопросы, на которые ты так и не сможешь найти ответов,
...но в ней всегда будет место для **ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ и ЛЮБВИ!**

Вера

И света луч струился по портъере...

ГДЕ-ТО В ШОТЛАНДИИ, 23:08

Я выключил телевизор и переместился поближе к окну. Пресытившись новостными и развлекательными передачами, моё зрение всё больше тянулось к вещам, которых я раньше не замечал: выступающий нектар на кожице грейпфрута, мелькающая в полутьме ночная бабочка, которая чуть не опалила свои серые крылья, слишком близко подлетев к ночнику...

Стояла середина зимы. Снег падал всё утро, день, а к вечеру немного приостановил свой ход, и падал медленно и осторожно. Из-за вечерних сумерек казалось, что снежинки удваиваются и снег падает густыми хлопьями, но, присмотревшись повнимательней, можно было разобрать, что это всего лишь обманщики – тени. Моя кожа с двухдневной щетиной ощущала тёплые ворсинки красного бархата от портъеры. Своей идеальной мягкостью они подчёркивали сухую и раздражённую кожу моей небритой физиономии, равнодушной, однако, к нежным прикосновениям подобных бархатистых тканей, но вместо того, чтобы побриться, мне захотелось чего-нибудь выпить. Что, думаете, будет пить старый шотландец одиноким зимним вечером? Конечно же, тёмное пенистое пиво с горчинкой, которая приводит меня в восторг.

Я отстранился от портъеры, открыл холодильник, и нашупал в дверце холодную запотевшую бутылку с конусообразным горлышком. Осмотрелся в поисках открывалки, но, не найдя подобной в поле моей досягаемости, открыл бутылку о краешек стола, как делали в кабаках во время моей молодости. Тогда, когда процесс захватывал сильнее, чем результат, ты не торопился опьянеть за пять минут, и галдящая компания друзей вытягивала тебя из наступающей дремоты целую ночь напролёт, а на следующее утро ты помнил начало, середину, а конец не наступал никогда.

Я вернулся к окну, и отпил из бутылки. Глоток оказался слишком большим, и обжёг горло холодом и пузырьками, и мне пришлось перевести дыхание. Я живу в большом особняке, и зимой прогреть его озябшие стены занимает много времени. Я подбросил дров в камин и побыстрее отстранился, чтобы меня не обожгли полетевшие искры. Поленья оказались сырыми, и первые несколько минут отрывистый простреливающий треск буквально врезался в барабанные перепонки, а пламя напоминало жёлто-оранжевую лаву. В детстве огонь от камина ассоциировался у меня с чем-то сладким, тёплым и тягучим, но я так и не смог чётко идентифицировать его со вкусом ни одной знакомой мне сладости, сколько ни пытался.

Снег падал всё тише и тише, и я подкатил свою инвалидную коляску почти вплотную к окну. Я мог сползти немного вниз и коснуться коленями промёрзшего стекла, и они бы не почувствовали леденящего холода. Я и сам не мог разобрать, радовало меня это или огорчало. После аварии, которая делает человека инвалидом, ему приходится заменять свою недееспособную часть тела чем-то другим, чтобы отделаться от чувства неполноценности. Отыскать что-то, что прятал внутри столько времени, пока в одно прекрасное время не проснулся и не осознал, что жил с совершенно незнакомым человеком, а потом вдруг превратился в самого себя.

Потеряв одно, человек всегда приобретает что-то другое. В моём случае это оказалось всё то, что я откладывал в долгий ящик из-за своей беготни. Это были мои книги, мои старые записи, мои альбомы – подарки друзей, которые я ставил на полку, едва приоткрыв обложку. Я с детским восторгом открывал для себя, как Моне строил игрой серовато-сиреневых красок башни и мосты, с какой живописной неизбежностью сменяют друг друга времена года, и как из ветчины и хлеба получается утренний бутерброд.

...Я приканчивал бутылку тёмного пенистого пива, запутавшись рукой в складках тёплого красного бархата, испачканного тягучей помадкой сияющего пламени, когда моя счастливая душа возносилась высоко к небесам. Я слышал, как чьи-то осторожные шаги удаляются от моего дома, скрипя по свежему снегу. В камине догорали дрова, в душе царил покой, за окном занимался рассвет. То было чудесное зимнее утро.

* * *

...И света луч струился по портъере,
И падал снег, и музыка лилась:
И вечно льётся свет – я в это верю, —
Смывая прошлого следы, как с улиц грязь.

Я верю – расцветут опять тюльпаны
В моей душе, на площадях, в моём саду.
Я верю: снег закончится неожиданно,
И годы, как снежинки, уплывут.

Пока же снег кружится в лёгком вальсе,
И света луч танцует по земле,
Я слышу звук – то ближе он, то дальше,
Я верю – разольётся вальс везде.

А света луч струился по портъере,
А снег кружит, и вальс кружит меня.
Прольётся свет Земле – я в это верю —
И в восхищении им люблюсь я.

Впереди жизнь

Если вдруг впереди ночь —
Ты не бойся её тьмы:
Она вечности лишь дочь,
С ней знакомы с тобой мы.

Если вдруг впереди мгла
Затянула судьбы след,
Надо просто понять, что
Вечной мглы на Земле нет.

Если вдруг впереди дым,
Он не скроет собой свет.
Свет прольётся с небес, и —
Дым растаял – его нет.

И займётся тогда день,
Предрешив темноты крах,
Поборов душ людских лень,
Отгнав за себя страх.

А у нас впереди жизнь
И немеркнущий тот свет,
Что протянет судеб нить
Через миллиарды мирских лет.

Послание скептикам, сомневающимся в пользе поэзии

Поэта талант обнаружив,
Ты призван, приятель, служить.
И можешь, покой не нарушив,
С людьми по душам говорить.

И музам воздав уваженье,
В ночи начинаешь творить.
Любого поэта служенье —
Вам дверь потайную открыть.

Я от несправедливости маюсь,
Хочу правду жизни добыть
И искренне, право, стараюсь
Стихом о проблемах трубить!

И слово, и ритм совпадают
И будут в единстве сиять,
И души людские растают
И будут любить и страдать.

Ведь ты – мой спасительный остров,
Нельзя без поэзии жить.
Призвание поэзии просто:
Уснувшие души будить!

Жизнь заново

По утрам я просыпаюсь
С предрассветным пеньем птиц.
По утрам я улыбаюсь
Большинству знакомых лиц.
По утрам смеюсь я часто —
Оптимизм – не архаизм.
Ежедневно, ежечасно
Я выстраиваю жизнь.
И с утра я, право, чётче
Различаю голоса.
По утрам, я замечаю,
Улыбаются глаза
Большинства людей спросонок,
Что стремятся всё успеть,
Что отправились на гонки,
Чтобы жизнь пересмотреть,
Переделать, передумать,
Перестроить, перегнать,
Пере мыслить, перепутать,
Пережить, переписать.
Ежедневно, еженощно
Жить по правилам хочу
И с себя, поверьте, точно
С понедельника начну!
С оптимизмом, без печали
Я спешу к своим делам,
Начиная жизнь сначала
Ежедневно по утрам.

Взгляни на звезду

Взгляни на звезду и ответь:
«Зачем её ярк так свет?
Легко ли в ночи ей гореть
И, падая, высветить след?»
Темно будет небо без звёзд,
Засушлива жизнь без воды,
Как сердце черствеет без слёз,
Без углей рассеется дым.
Бессмысленна жизнь без любви,
Бездарен творец без идей,
Как море смывает следы
Бегом пробежавших людей.
Легко ли свой вектор иметь?
Легко ли светить для других?
Легко ли гореть, а не тлеть,
Веками заботясь о них?
В себя загляни и спроси:
«Звенит ли в душе камертон?
Легко ли прожить свою жизнь,
Чтоб не было стыдно потом?»

Переосмысление

Я, от трудов от праведных устав,
От значимых и мелочных влияний,
В миру душой бунтарскою восстав,
Вне времени, призваний и воззваний,
Вздохну легко, свободу ощутив,
Ворвусь стрелой в распахнутые двери,
Весь мир приняв, обиды все простив,
Решив, во что поверить иль не верить.
Стремиться ввысь, желать всего вдвойне,
Идти вперёд, не ведая препятствий!
Любить, мечтать при звёздах и Луне,
Служить Тебе – что может быть прекрасней!

Вернись

Я дождусь тебя обратно,
Невозвратное – возвратно.
Слёзы смехом осушу
И вернуться попрошу.

Я тоску преодолею,
Грустью я переболею,
Я забвение прошу
И обиды отпущу.

Я тебя перечитаю,
Наши дни пересчитаю,
Я твой мир переверну,
Я назад тебя верну!

Освобождение

Я тону в море счастья,
Переплыв реку грусти.
Пусть земные ненастья
Мои душу отпустят!

Я с опаской срываю
Событийные маски,
Что годами скрывали
Первозданные краски.

Я миную ловушки
Искорёженных мыслей,
Чтоб быстрее и лучше
Жизнь наполнилась смыслом.

Уподобившись флейте,
Моё сердце внимает,
Как душившие плети
Наконец отмирают.

Воину

Ты знаешь лишь одно – преодоление,
Ты понял: надо выжить, чтобы жить.
Тебе не страшны адские мученья,
Страшнее голос совести забыть.
И ты идёшь, усталости не зная,
Порой едва ползёшь на животе,
Карабкаешься, руки обдирая,
По снежной, мёрзлой, скованной земле.
И обжигает холодом и ветром
Твоё давно уставшее лицо,
Но ты идёшь и не сбавляешь темпа,
Чтобы прорвать блокадное кольцо.
Ты не герой, не Бог, ты просто Воин,
Твоя задача – выполнить приказ,
Ты сам того не знаешь, что достоин
Жить в полный рост, не опуская глаз!
И я горда, что ты – другого теста,
Другой закваски – грубой, настоящей!
Я уступлю тебе под солнцем место,
Под ярким солнцем, ласково манящим!

Пополам

Пополам небо, пополам душа.
Я ничего не вижу, я ничего не слышу —
Мне жаль!
Пополам белое, пополам чёрное,
Я ничего не вижу, я ничего не слышу —
Мне больно!
Пополам ложь, пополам правда.
Я ничего не вижу, я ничего не слышу —
Мне неважно!
Пополам ночь, пополам утро.
Я ничего не вижу, я ничего не слышу —
Мне трудно!
Пополам жизнь, пополам смерть.
Я ничего не вижу, я ничего не слышу —
Надо преодолеть!

О главном

Главное – рядом,
Главное – просто.
Просто за летом
Следует осень.

Вслед за рассветом
День наступает,
Осенью птицы
Вдаль улетают.

Вслед за печалью
Следует радость,
Горе развеет
Радости малость.

После забвенья —
Дань уваженья,
Трудной задаче
Будет решенье!

После терпенья
Будет награда,
Просто, мы любим —
Значит мы рядом!

Главное – рядом...
Главное – просто...

Слуга

Я люблюсь бренным миром:
До чего же хорошо!
Здесь есть всё: перо и лира,
Песнь и доброе вино,
Взгляд бродяги – музыканта,
Путь далёкий, без конца,
Вызов гордого таланта,
Писк рождённого птенца,
И багрянец на закате,
И рассветный первый луч,
Выпускное дочки платье,
И к великим тайнам ключ.
Бренный мир я созерцаю
С упоением и без слов.
Добротой, любовью, знаньем
Я служить ему готов!

Добрые вести

Как ждём мы добрых радостных событий,
Как ждём мы добрых радостных вестей!
Несите вести добрые, несите!
Несите вести добрые скорей!

Как верим мы в священный дух открытий,
Как верим в мир спасительных идей!
Дарите слово доброе, дарите!
Дарите слово доброе скорей!

Как дорог нам надёжный тыл укрытий,
Как дорог нам привычный мир вещей!
Любите близких, ближние, любите!
Любите, люди добрые, людей!

Персонаж

Портреты рисует художник,
Он рад, что рисует типаж.
Он образов давний заложник,
Влюблён же в один персонаж.
Вот нищий бродяга бездомный,
Вот хитрый и толстый богач,
Ребёнок, с утра ещё сонный,
Дежурством замученный врач,
Вот дама с зонтом на прогулке,
Художник, а рядом – мольберт,
Мальчишка в глухом переулке
И с завтраком скудным студент,
Старушка в цветастом платочке,
Почтенный учёный в пенсне,
Объятия мамы и дочки,
С уловом рыбак в челноку,
Особа дворянского рода,
В погонах седой генерал,
Крестьянин с телегой у брода,
Мальш, что едва не упал,
С утра за работой сапожник,
Солдат, что был призван служить...
Но образ, что любит художник —
Герой поз названием жизнь.

Ты прожил не зря

БЕРН, 17:17.

Весь день я был выбит из колеи. Мне потребовалось всё моё самообладание, чтобы переварить то, что случилось сегодня утром. В эту пятницу один из моих подчинённых, назовём его N, должен был делать доклад на собрании акционеров. Я долго не мог выбрать подходящую кандидатуру со своей стороны. Наконец, сказал себе “Place your bets”¹ и поставил на него. За всё то время, что он проработал в моей организации, я не мог недооценить его честолюбивого рвения и самоотдачи. Иногда он, конечно, действовал мне этим на нервы, как и всякий молодой выскочка. Но в целом был неплохой парень. В его возрасте я был точно таким же, и посмотрите, где я сейчас; в общем, решил дать ему шанс.

И вот, N возвращается под утро в нетрезвом виде с очередной гулянки, ударяет по газам на красном светофоре, и часом позже бригада скорой помощи находит его на обочине в перевернутом виде, а наш герой, наш незаменимый работник, наш баловень судьбы валяется на больничной койке, как овощ на грядке. Следовательно, собрание акционеров в пятницу не состоится.

Ещё больше самообладания мне потребовалось для того, чтобы сесть за руль. Обычно в понедельник я бываю бодр и сосредоточен, к среде разгоняюсь, а в пятницу посылаю всех к чёрту. Но сегодня был вторник, а я уже разругался с уймой людей.

За рулём мне всё время казалось, что я кого-то сбиваю, поворачиваю не туда, и совершаю что-то ужасное, что и не описать словами. Поэтому я старался не отвлекаться, а смотреть прямо перед собой.

* * *

Время остановилось. Да-да, в прямом смысле слова. У меня встали часы. Я вздохнул безнадежно, обречёно, так, как обычно вздыхают люди, когда у них останавливаются часы. Вот тебе и поддержал отечественного производителя... Я остановился на светофоре. И остановилось всё вокруг. Вместе со стрелками на моих часах встали машины, грузовики, перестал маячить бульвар с деревьями, разве что пешеходы не собирались замедлять свой шаг.

Я вдруг почувствовал, что стал засыпать. Сейчас недалеко от меня человек, лежащий на больничной койке, должно быть, локти кусает от того, что в эту пятницу ему не суждено осуществить того, к чему он так упорно шёл все эти годы, добиваясь моего расположения. Я откинулся поглубже на спинку кожаного сиденья, убрал в бардачок свои Rolex и смотрел, как белые кучевые облака спускаются всё ниже.

Пока размышляю о том – о сём, вспоминаю краем мысли, что на днях моя жена закатила скандал из-за того, что якобы уделяю любовнице слишком много времени. И что моя любовница закатила скандал из-за того, что я отказался везти её в Альпы на выходные. Женщины походили с ума. Почему они не способны облегчить существование человеку, который днями напролёт торчит в офисе как проклятый, и пьёт плохой кофе из автоматов, заработав тем самым несварение? А всё ради того, чтобы обеспечить всем им безбедное существование. Они ведь не хотят работать? И делать вид, что они хотят работать, они тоже не хотят. Единственная дама, которая до сих пор пытается меня в этом переубедить, это моя тёща. Она настолько занята своей благотворительностью, что упорно не присутствует по воскресеньям на традиционных семейных обедах за городом. Спасибо вам, дорогая, за понимание. Движение пошло, но я как можно быстрее припарковался, и слушал оперы Верди, пока не начало темнеть.

¹ Делайте ваши ставки (англ.)

*“La donna e mobile
Qual piuma al vento,
Muta d’accento – e di pensier...”²*

Было решено, что сегодня я не пойду домой, а переночую в отеле. Мне не хотелось никого видеть.

В конце концов, я кое-как заставил себя добраться до больницы. Поднялся по ступенькам, вошёл в стеклянную дверь и тут же направился к дежурному. «На каком этаже травматологическое отделение?» – поинтересовался я. Дежурный ответил, что на 2-м, но приём уже закончен.

«Послушайте, у меня был чертовски трудный день, и я с ног валюсь от усталости. Мне необходимо поговорить с одним человеком. Поверьте, если бы это не было так важно, я бы не стоял здесь и сейчас, умоляя вас об одолжении», – я сделал над собой усилие, чтобы произнести последнюю часть фразы, так как выражения подобного типа обычно адресовались мне. Я знал, как равнодушны бывают клерки к признанию их собственного величия, но дежурный был неумолим: «Сожалею, но ничем не могу помочь. Сделав одолжение вам, пришлось бы делать одолжение и остальным посетителям. Если хотите, можете оставить сообщение, и медсестра ему передаст». Крепкий орешек. Может, пригласить его для прочтения доклада в пятницу? Но вместо этого я прорычал: «Какое, к чёрту, сообщение? Мне надо поговорить с N с глазу на глаз!» Возможно, у меня прилила кровь к лицу, и я опёрся о стойку, чтобы не закружилась голова.

«С вами всё в порядке?» – осторожно поинтересовался дежурный. Всё ли со мной в порядке? Так знайте же, нет. Я попытался ответить как можно более вежливо: «Не берите в голову. Просто я смертельно устал. Знаете, просто передайте ему вот это», – я черкнул несколько строчек на листе бумаги, сложил его пополам, и передал дежурному. Осталось выйти через главную дверь и напиться до бесчувствия.

Не знаю, в чём дело, но сегодня всё пошло не так, и даже моей записке не было суждено достигнуть своего назначения. С утра мне позвонили из больницы, я не успел позавтракать, я не мог выбросить из головы семейные проблемы, у меня встали часы, у меня было скверное настроение, на меня навалилась смертельная усталость, но я так и не смог расслабиться, т. к. когда я прибыл в отель, оказалось, что мой suite занят молодожёнами. В конечном итоге я по – чёрному разругался с портье и нехотя отправился в офис, но несмотря на две порции скверного кофе так и не смог сосредоточиться на работе. У меня не оставалось другого выхода, как отправиться коротать остаток ночи в машине, слушая оперы.

А дежурный в больнице ошибся номером палаты, и вручил записку не N, а какому-то чудаку, который только начал приходить в себя после путешествия по воздуху с третьего этажа из-за предстоящей свадьбы своей вероломной подружки (вот кому бы Верди пришёлся по вкусу!). Всю свою жизнь он был слишком сдержанным и благоразумным, и в один день решил с этим покончить.

Дежурный предупредительно постучал в дверь, но он сделал вид, что спит, поэтому дежурный осторожно положил записку на тумбочку, и удалился. Когда дверь закрылась, он взял записку и прочитал её содержимое:

«МЕРОПРИЯТИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ НА НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ СРОК. НЕ ВОЛНУЙСЯ, Я ВСЁ УЛАЖУ. ЖЕЛАЮ СКОРЕЙШЕГО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ».

² «Сердце красавицы склонно к измене...», – выдержка из арии «La donna e mobile» из оперы «Риголетто» (1851) Джузеппе Верди.

Он положил бумажку обратно на столик, закрыл глаза, и спокойно заснул. И хотя он нашёл содержание записки более чем странным, и уже решил, что раз Богу угодно, жизнь его будет продолжаться с ней или без неё, дышать ему определённо стало легче. У него был удачный день. Он победил.

* * *

День прожит не зря,
Если мысли мои
Строкой на бумагу легли.
В них прожито всё:
И закат, и заря,
В них скрытые чувства мои.

Ты прожил не зря,
Если мудрость твоя
Строками дошла до людей,
И если они,
Эти строки прочтя,
Сказали: «Нам стало теплей».

Две пары башмаков

Свидетелей длительных странствий,
Свидетелей гнёта оков,
Окинул я взглядом с пристрастьем
Две пары своих башмаков.
Гвоздями прибиты подмётки,
Вверху перетёрлись шнурки,
И всё же, хоть очень потёрты,
Шагают мои башмаки.

Не самая модная пара,
С избытком сапожных гвоздей,
Потрёпан башмак мой усталый —
Со мной побывал он везде.
Вы мне с каждым часом дороже,
Вы чудом остались крепки.
Их кожа потёрта, но всё же
Шагают мои башмаки.

Старая женщина

Позируя внукам для фото,
На плечи набросила шаль,
Небрежно раскинула ноты
И смотрит задумчиво вдаль.

В ушах золотые серёжки,
Кольцо и массивный браслет,
Всё те же точёные ножки,
Кокетливый набок берет.

Её обожали мужчины,
А может, и любят (как знать?),
Страдания повод – морщины —
Замажешь – и их не видать.

Всё те же глаза с поволокой,
Искусно завязанный бант,
И голос по-прежнему звонкий,
И красный на сумочку кант.

Твой жизненный путь не измеришь
Количеством прожитых лет,
Тебе уже, веришь – не – веришь,
Подсчитывать их смысла нет.

Но стоит тебе улыбнуться,
И мудрость сверкает в глазах.
Бывает ли что-то прекрасней
Улыбки твоей на устах?

С годами, пускай, изменилась
Былая походка и стать,
Ты – та же Мадонна с картины,
Великая женщина, – МАТЬ!

Кругом одни таланты

Кругом одни таланты,
Кругом одни творцы:
Поэты, музыканты,
Художники, певцы.

И если ночью тихой
Над пяльцами сидит
Швея, ... она не дремлет,
Лишь полотно творит.

А если над решёткой
Над кованой кузнец
Заносит молот ловко, —
Он истинный творец.

Склонясь над инструментом,
По клавишам стучит,
Настройщик, тем моментом
В молчании творит.

Творит на кухне повар,
На сцене – гитарист,
Знакомый парикмахер
И опытный юрист.

Малыш, что шёл неловко,
Кривлялся и хитрил,
Мелками на асфальте
Картину сотворил.

И я, отшельник скромный,
Уже в который раз,
Один, закрывшись дома,
Творю сие для вас!

Момент

Ты лучшего ждёшь, ты ночами не спишь —
И так проплывают века.
События, люди проходят, и лишь
Плывут в вышине облака.

Но что будет после – не надо гадать,
Запомним блистательный миг:
Затихла зелёная водная гладь,
Едва только ветер утих.

И парус, тебе благосклонно кивнув,
Наклонится, вдаль уплывёт,
И тёплое солнце, из тучи взглянув,
Лучистой ресницей моргнёт.

Тогда ты почувствуешь – ты не один,
И жизнь и светла, и легка.
Ты – жизни король, ты – себе господин.
Плывут в вышине облака...

Итог жизни

Я жизнь изучу, наперёд пролистав
Страницы сокрытой судьбы.
Вперёд я иду, ни на шаг не отстав,
Я к цели иду, как и ты.

Шаги мои звонки, и поступь точна,
И жизненный вектор един.
Я солнечным светом и жизни полна:
Я знаю источники сил.

Мои результаты не так уж плохи.
Какой же оставлю я след?
Останутся, может быть, эти стихи,
Ребёнок и солнечный свет.

И я не смогла бы иначе прожить,
Всю жизнь по течению плыв.
А что моя жизнь? – единственный вздох
И Радости пламенный миг.

Цена свободы³

МЕКСИКА, 20:37.

Тринадцать часов в седле, позади призрачного скота; тринадцать часов монотонной езды по равнине ведёт счёт Ковбой Хуан, ориентируясь по солнцу; тринадцать часов кожи, пыли и пота. Мужчина, скитающийся по бескрайним одиноким пространствам, терял ощущение жизни; душа иссыхалась, точно ядро фундука; кристаллизировалась кожа, а затем и сердце.

Примечает вдали изгородь из колючей проволоки, невидимый предел; граница из запылившейся стали в пустыне. Ковбой Хуан немного продвинулся по направлению к ней, и остановился на расстоянии нескольких метров. Улыбнулся, пересчитав койотов. Их было двенадцать.

В тот день Ковбой Хуан приехал издалека, чтобы сосчитать койотов. Хищники для домашнего скота, койоты были природными врагами Ковбоя Хуана. И он, охотясь за ними с ловушками и винтовкой, приносил их в жертву как пример для остальных. Он аккуратно развешивал койотов, цепляя каждого за блестящее остриё стали. Ковбою Хуану не хватало лишь тринадцатого койота на той изгороди смерти. Самый большой, самый старый, тринадцатый койот всегда от него ускользал, хитрый, недоверчивый, вызывающе осторожный.

Просил Бога или дьявола Хуан Ковбой, чтобы дался ему тринадцатый койот и, вставляя последнюю пулю в обойму своей винтовки, начал постепенно отдаляться от зловонной точки.

...Тишина становилась всеобъемлющей, абсолютной и Ковбой Хуан, дрожа от прохлады, с онемевшей душой, превратился в маленькую точку, потерянную в одиноком пространстве. Прижимая винтовку к коленям и жуя горькую табачную пасту, он выжидал. Он пребывал в полном оцепенении, когда услышал вблизи короткий отрывистый лай. Звук, длившийся долю секунды, заставил его прыгать от радости. Напряжённый, охваченный лихорадочной дрожью, с винтовкой в руках, он огляделся по сторонам.

Появился тринадцатый койот! Совсем близко, – вон там, поблескивали его желтоватые глазёнки. И Хуан Ковбой, вновь вдыхая уверенность в свою душу, побежал по равнине. Звук повторился снова и снова. Мужчина приближался шаг за шагом к тому месту, откуда исходили звуки; он чувствовал, что жизнь возвращается в его тело; он узнавал свои руки и свои большие стопы, обутые в старые семейные сапоги. В тот момент, когда он всё ещё сомневался, сбитый с толку, услышал жалобный вой, который привёл его к рахитичному пересохшему кусту. Там находился тринадцатый койот. Он был огромный и седой; зверь открыл свою пасть, показывая белые оголённые клыки. Свернувшись клубком, с кровоточащей лапой, с висящим чёрным разорванным языком, животное бесполезно боролось за право на свободу. Его глазёнки, светящиеся ненавистью и ужасом, смотрели на постепенно приближающегося человека; шерсть его загривка встала дыбом, и чёрные губы сжимались, издавая глухие хрипы. И человек, понимая, что произошло, прицелился с полным спокойствием.

Бестия умирала от жажды. Обессиленная от ран, она не могла больше выть на луну, как делала прежде; и эта ночь была последней. Ковбой Хуан улыбнулся. Он представил койотов, прицепленных к проволоке, и даже почувствовал запах их мёртвой плоти; и сразу же слегка вдавил курок, постепенно, точно натягивая лук. И так человек и бестия смотрели друг на друга несколько мгновений; но выстрел никогда не попадёт в цель.

Хуан Ковбой почувствовал, что его чувства кардинально переменились, и он стрелял в воздух, в небо. Улёгся звук в бескрайних одиночествах, а койот оставался живым в зарослях кустарника. Мужчина за ним понаблюдал, затем сказал ему несколько слов и пошёл искать воду.

³ Эссе – фрагмент из рассказа «Тринадцатый койот». Артуро Соуто, 1930. Перевод Юлии Митрофановой.

Когда он чуть наклонил флягу, чтобы влить жидкость в алюминиевую миску, животное испуганно отстранилось. И Ковбой Хуан, чтобы позволить ему пить спокойно, вернулся в заросли нопаля.⁴ Закутанный в одеяло, с вертикальными звёздами над головой, он думал о том, что если бы убил тринадцатого койота, то снова возвратилась бы та кристальная тишина и ужас, которые он познал этой ночью. И заснул спокойно, довольный, ощущая свою плоть в сапогах; и заснул, убаюканный звуками, что издавал койот, жадно лакая воду.

И, должно быть, намного позже, годы спустя, всё ещё жив тринадцатый койот; и по ночам, когда светит полная луна, воеет, не переставая; и нападает на скот; и Хуан Ковбой, раздражённый и возмущённый, его преследует. Однако, мужчина больше никогда не испытывал то ужасное кристальное одиночество в огромных бескрайних пространствах равнины. И для него врагом святым, неприкосновенным, оставался тринадцатый койот.

* * *

Цена свободы, как закат, алеет,
Цена свободы слишком велика.
Её мой ум, как сверх мечту, лелеет,
Душою обнимая облака.

Мой ум земной, обуза и задача,
Мой ум земной, ты не затми судьбу.
Мой ум земной, я не могу иначе,
И я с дороги сердца не сверну.

Я покорю небесные вершины,
Сознанием сердца всё преодолев,
Я обниму небесные вершины,
Своей душой и разумом согрев.

Раскройся, чаша сердца в поднебесье,
Цена свободы слишком велика.
И льются звуки сердца, словно песня,
Нас поднимая с песней в облака.

Цена свободы есть печать причины,
Цена свободы – быть или не быть,
Цена свободы – то веков пружины,
Цена свободы – верить и служить.
И стоит верить, верить и бороться,
И стоит верить – бьётся жизнь пока,
Встречая день с рассветным зовом солнца.
Цена свободы слишком велика!

⁴ Кактус вида *Opuntia vulgaris*, произрастающий на территории Мексики и севере США.

Сонные стихи

Сонный дождик прошумел по лесу,
Пробежал по полю и исчез.
Сонно спят под сонным покрывалом
Сонных туч река, земля и лес.

Сонный хор дождливых сонных капель
Успокоил сердце глубоко.
Сонная душа, устав от боли,
Вдруг вздохнёт свободно и легко.

Солнца луч развеет сон и скуку,
Вдруг скользнёт по облаку вершин.
Сонный дождь, и луч, и мой ребёнок
Довершат, что я не завершил.

ЯВНЫЙ СОН

В разлитом воздухе звенящем,
В прохладном, свежем и густом
Парад любви цветов блестящих
Я вижу сердцем и умом.

Живёт в гармонии небесной
Цветов небесных хоровод,
И звуки музыки прелестной
Плывут вдоль солнечных ворот.

Я слышу мерное дыханье,
Я вижу вальса лёгкий шаг.
Цветов небесных полыхание,
Симфоний отзвуки в сердцах.

36

Тридцать шесть – мой день рождения,
В этот день подарков ждут.
Я подарок для Вселенной
Предложить сама спешу.

Тридцать шесть – отрезок длинный,
Я учусь достойно жить
И хочу подарок миру
Сокровенный подарить.

Подарить хочу я миру,
Как волшебный добрый гном,
Подарить хочу я миру
Песню, смех, любовь и дом.

Подарить хочу я миру,
Всем прогнозам вопреки,
Подарить прозренья лиру,
Мысль, ребёнка и стихи!

Жизнь

Творить – и жизнью наслаждаться,
Творить – и в пропасть не упасть,
Творить – и в мире растворяться,
Творить, почуяв сердца страсть.

Мечтать – и плотью очищаться,
Мечтать – и силу мысли знать,
Мечтать – и духом подниматься,
Мечтать, и верить, и страдать.

Любить, познавши сердца радость,
Любить, обняв весь мир душой,
Любить, понявши чувства сладость,
Любить других, забыв покой.

Познать, забывши боль и муки,
Познать, себя преодолев,
Познать, воздевши к небу руки,
В порыве огненном взлетев.

Взлететь – и мир большой увидеть,
Взлететь, идеи не предав,
Взлететь – и ближних не обидеть,
До капли всю себя отдав.

Я есмь

Вот рассвета восторг,
Вот заката припев.
Я назначенный срок
Проживу нараспев.

Нота «до» – нота «си» —
Жизни полный аккорд:
Завершат круг судьбы
Семь положенных нот.

Сердца радостный стук —
Стук колёс, стук в пути,
Мира нового звук
Слышу я впереди.

Я за ним побегу,
Я к нему устремлюсь,
За цветную дугу
В небе я ухвачусь.

Семь цветов, семь наград,
Семь ступеней опять.
Я, не зная преград,
Буду в небо шагать.

Сердца чистого песнь,
Как рассвет, как распев,
Слышу в небе «я есмь»,
Как заката припев.

Абстракция

Нам с чувствами справиться следует,
И в них разобраться пора:
Зелёное, синее, белое —
А всё это вместе – гора.

Квадраты, круги, треугольники,
А всё это вместе – «оно».
Стоят у «шедевра» поклонники,
Взирая на сверх полотно.

Шедевры забытые, скучные
На полках хранятся в пыли,
Ведь мы – современные, лучшие —
Давно разгадать их смогли.

Вопрос дискутируя заданный,
Все спорят и громко шумят:
«Что – Чёрный квадрат неразгаданный?..»
Всего только... – чёрный квадрат.

Акварель «качели»

Бывает мгновенье прекрасным,
Прозрачна судьбы акварель,
В ней быль, как волшебная сказка,
Кладёт на бумагу пастель.

Как будто великий художник
Наносит картину на холст:
Вот домик, река, подорожник —
И замысел ясен и прост.

Вот жизни лихие качели
Вдруг взмыли над грешной землёй,
И мир, как в цветной карусели,
Остался лежать под тобой.

Но дух захватило от ветра:
Всего лишь мгновенье назад
Нас вниз уносили качели,
И только колени дрожат.

Прекрасны мазки акварели —
В них солнце, и нивы, и лес.
Бывает, что жизни качели
Взлетают порой до небес.

Карусель

Во дворе распустилась весна,
Вот уже завершился апрель.
Но черёмуха в мае цветёт,
И детишек кружит карусель.

Летом жарким не страшен мороз,
Пусть звенит дождевая капель.
Стаи бабочек, пчёл и стрекоз
Хороводят свою карусель.

Поздней осенью лесом пройдёшь,
У костра посидишь – и в постель,
Вскинешь голову вверх и поймёшь —
Это листьев в ветру карусель.

На пороге стучится зима,
И в полях заметает метель.
Одиноко сидишь у окна:
Круговерть – круговерть – карусель.

Зимы, вёсны – опять и опять,
Ночью – холод, а утром – капель.
Буду жить! Буду книги писать!
Пусть кружит меня лет карусель!

Пусть!

Пусть прохладная влажная осень
Мне помашет летящим листом,
Пусть небес августовская просинь
Озарит уходящим теплом.

Пусть весны соловьиные трели
Вместе с песней сольются моей.
И пусть зимние стужи – метели
Неумолчно свистят о весне!

Отрывной календарь пусть напомнит
О весне и о днях именин.
Солнца шар пусть квартиру заполнит,
Чтоб почувствовать – ты не один!

Пусть дорога прогонит усталость,
Пусть развеет напрасную грусть,
Пусть за встречей последует радость,
Жизни путь продолжается пусть!

Музыка души

ВЕНА, 7:14.

Я помню свой первый учебный день в финансовой академии.

Мне было 19. Я только что закончил колледж и перебрался из Линца в Вену, последовав указаниям отца. «С твоими способностями ты далеко пойдёшь», – говорил он, имея ввиду мои успехи в учёбе. Я бы был не прочь ему поверить, если бы не знал ещё со школьной скамьи, что трудолюбия и усидчивости во мне куда больше, чем аналитических способностей как таковых. В среднем я и правда учился неплохо. Но стоило мне пропустить хоть один день, как я выбивался из колеи, и спотыкался на ровном месте. Ко всему прочему, по натуре я был скорее человеком интуитивным, с полным отсутствием врождённого чувства логики.

К неудовольствию своего отца, я всегда давал себе отчёт, что гуманитарные предметы даются мне куда лучше точных наук. Но мысль о том, что я талантливый экономист, нравилась моему отцу гораздо больше. Он считал, что настоящий мужчина должен иметь настоящую мужскую профессию, что в его представлении означало «управляющий финансами его компании». Проведя сложную аналитическую цепочку, он выбрал для меня финансовую академию, которая находилась в столице.

Вена, как и подобает городу, не познавшему лишений войны, поражала своими монументальными зданиями, ажурными фонтанами и чересчур чопорными жителями.

Профессора с первого дня с гордостью вещали, что этот город удивителен ещё и тем, что именно в нём в конце XIX века зарождается интерес к основам потребления как к науке, происходят важные трансформации экономических основ, ценовой политики, дистрибуции и заработной платы. Коммерсанты осознают, что цена продукта зависит не от его ценности и затрат на производство, а от спроса и досягаемости последнего: *«Цена последнего бутерброда зависит от уровня необходимости или достатка»*.

Я поселился в общежитии, и окна моей комнаты выходили во двор Консерватории. Посмеиваясь, я представлял, как музыкальные педагоги с гордостью говорят своим ученикам, что этот город удивителен ещё и тем, что «именно он служил источником вдохновения для самого Штрауса», игнорируя процентное соотношение налога на добавленную стоимость и начальной цены последнего бутерброда.

Но меня куда больше волновали произошедшие в моей жизни перемены.

В первый день занятий я надел пиджак, повязал галстук, и перед выходом взглянул на себя в зеркало. Я жутко волновался. Мне не давала покоя мысль, что я медленно, но верно схожу с намеченной колеи. Поначалу я смогу ориентироваться на незнакомой местности и, возможно, отнесусь к этому как к своего рода приключению, но постепенно мои шаги потеряют уверенность и я пойму, что потерял самого себя.

Проклятая интуиция.

Хотя в последний раз я смотрелся в зеркало вчера вечером, у меня было ощущение, что я не делал этого с пятилетнего возраста, а сейчас вдруг осознал в один момент, как сильно я повзрослел. Помню, в тот день мне удалось посмотреть на своё отражение по-новому, как бы со стороны. Интересно, так бывает со всеми в первый учебный день?

Я шёл в финансовую академию под торжественные звуки Адажио, раздающиеся из Консерватории. Музыкальное образование, которое я успел получить в Линце, давало о себе знать. Я и сам умел исполнять это произведение, конечно, не так технично...

В течение дня я часто ловил на себе надменно – оценивающие взгляды моих новых сокурсников. Кажется, именно тогда я осознал, что отныне не будет вопросительных взглядов, виноватых взглядов, усталых взглядов. Будут только непробиваемые взгляды, испытующие взгляды. Так будут смотреть на тебя. И так обязан смотреть ты. Вечером я вернулся измож-

дённим, рухнул на кровать, но, несмотря на усталость, долго не мог заснуть. Мне бы хотелось услышать рождающиеся звуки великих произведений, но занятия в Консерватории закончились. Я мучительно засыпал в полной тишине.

Уже через неделю я перезнакомился со многими ребятами из Консерватории, некоторые из них стали моими друзьями. Я искренне жалел, что не могу проводить с ними больше времени, но в жизни приходится чем-то жертвовать. Я погряз в учебных буднях за вычислительной машинкой. Я быстро уставал. Дела шли из рук вон плохо. Ко второму полугодю я понял, что останусь на второй год. «Да что с тобой происходит? – возмутился отец во время непродолжительных телефонных разговоров. – Возьмись, наконец, за ум». Мне было нелегко представить, как это сделать.

И ещё тяжелее мне было возвращаться в академию на следующий год. Куда приятнее было сидеть в последнем ряду Консерватории во время репетиций и смотреть на оживлённые и одухотворённые лица моих друзей. Я выходил оттуда с ощущением больного, выпившего стакан парного молока. Ответственность не позволяла мне прогуливать лекции слишком часто, но я бы с удовольствием это делал.

«Психологию потребителя», единственный предмет, который мне нравился, читал низкорослый рыжий профессор, по слухам в своё время окончивший религиозный колледж при католической церкви. Он рассказывал нам о глухонемых парфюмерах, святынях Акрополя и винных коллекционерах, вешающих Рембрандта в ванной комнате. И хотя все мы понимали, что это не имеет никакого отношения к экономике, и что чистый лекционный материал, который он давал за весь урок, можно было объяснить за пятнадцать минут, никто из снобов не решался проявить свой характер, а иногда на их лицах даже проглядывал Интерес; он с нами разговаривал и мы его слушали. Временами мне и самому хотелось рассказать ему о своих заморочках, но я не представлял, как это лучше сделать. Возможно, стоит подойти и, так, невзначай, спросить: «А вы знаете, что я всегда хотел учиться музыке?» И он бы мне на это ответил: «Да, знаю» или «Нет, не знаю. А в чём, собственно говоря, дело?» В конце концов, достаточно было и того, что благодаря этому профессору моё пребывание в академии было не таким невыносимым.

Летнюю сессию я сдал не то чтобы отлично, но, во всяком случае, сносно. Мой отец довольно потирал ладони, и одобрительно похлопывал меня по спине. На каникулы я снова вернулся в Линц проходить практику в офисе отца, и он тут же начал показывать мне бухгалтерские отчёты. Он постоянно пил кофе, раздражался, горячо пытался что-то мне объяснить, спорил, вытирал потный лоб носовым платком, говорил по мобильному телефону, снова пил кофе, раздражался ещё сильнее... В общем, вводил меня в курс моей будущей должности. Тогда он ещё не знал, что ничего из этого не имеет никакого значения. Ведь моё лицо светило *радостью*; моя походка излучала *уверенность*. Наконец-то я вернулся на свою колею, обрёл самого себя.

Наступил новый учебный год. Я снова сильно волновался. Возможно, даже сильнее, чем в первый день в финансовой академии, потому что на этот раз я был неравнодушен к тому, что делаю. И я, бодрым шагом, под красивую музыку души, направился к зданию, откуда доносились чудесные звуки.

* * *

В сердце музыка звучит,
Мысль в сердца людей стучит.
Донести её хочу
И настойчиво шепчу:

«Отворите, люди, двери,
В доброту опять поверив.
Солнца луч, как карандаш,
По бумаге прошуршав,
Песню миру напиши».
Это – музыка души.

Застывшее время

Здесь всё вокруг исполнено покоя,
А я всё так же молода душой,
И сад, и пруд впитали капли зноя,
Застыл в лучах закатных мир большой.

Застыло время – ты его не слышишь,
Брусчатки камни пахнут стариной.
Святым покоем стены храма дышат,
И я всё так же молода душой.

Сказка

Спустился месяц над рекою серебристой,
Поля вечерние густой туман покрыл,
И в небе звёздном, небе летнем, небе чистом
Мне вдруг явился семикрылый Серафим.

И сердце радостно запело, веря в сказку,
В реальность вечности поверив глубоко.
И в небе чистом, небе летнем, небе ясном
Мне звёзды вечные мерцали высоко.

Сей миг казался мне мгновеньем вечно – чудным,
Сей миг казался мне посланником судьбы.
Явилось мне виденье ночью летней лунной:
«Остановись, мгновенье! Как прекрасно ты!»

Как хорошо, когда века мгновений полны,
И льётся с выси свет небесный золотой.
И лета ночь опять колышет судеб волны
И наполняет мироздание мечтой.

Не грусти!

Дождик плачет за окошком —
Осень грустно слёзы льёт.
Потерпи ещё немножко:
Скоро грусть твоя пройдёт,
Прочь умчится с тёмной тучей
И с опавшею листвою.
Ты себя напрасно мучишь —
Твёрдо знаем мы с тобой:
Улыбнётся в небе солнце
Посреди большого дня
И с ветрами унесётся
Всё, что мучило тебя!

Искатель чудес

Ты не сыщешь воды среди песка,
Километры пути прошагав,
И луч солнца невидим, пока
Небеса над тобой в облаках.

И среди зноя ты льда не найдёшь,
Даже если захочешь найти,
Правду жизни едва ли поймёшь
В лабиринтах земного пути.

Лучше доброе слово услышь
И любви узри благодать!
Не волшебник я вовсе, а лишь
Просто знаю, где нужно искать!

Дорога к храму

Бывает, что важней горы пылинка,
И слова сталь сверкает, не сразив.
Порой среди трав густых одна травинка
Растёт, поля вокруг преобразив.

Бывает, посреди людского стона
Вдруг звук прорвётся флейты золотой.
Порой милее образа людского
Иконы образ строгий и простой.

И ты, мой друг, нужду и боль постигший,
И ты, выдавший горести судьбы,
Среди богатств живешь, душой поникший,
Среди друзей не сыщешь теплоты.

Когда ты ждёшь признания по праву,
За гнев и скорбь судьбу не обвини —
Так ты, мой друг, когда идёшь ко Храму,
То перейдёшь и пыль, и грязь пути!

Гимн гармонии

Деревья в радости оденутся цветами,
Благоуханье разливается везде,
А листья сбросив, не грустят они, а знают,
Их корни помнят о грядущем – о весне.

И ты уверен будь, что даже со слезами
Едва ты только прикоснёшься к красоте,
Её извечных образов устами
Найдёшь подсказки в душной темноте.

Тщетность

Мы хотим обрести,
Мы желаем иметь,
Чтоб казною трясти,
На трибунах шуметь...

Жнец получит зерно,
Обретая покой,
Но его всё равно
Не захватит с собой.

Очищение

Вот мой призыв (он проще деткой просьбы):
Но он звучит, как голос громовой:
О, люди, вы ненужное отбросьте
И не тащите ветхое с собой!

Отжившие отбросьте заблужденья,
Несовершенства горькие людей
И сладких уст фальшивых песнопенья,
И скрип не отворившихся дверей.

Оставьте старый хлам – он вам не нужен, —
Обмана горечь, слёзы, суету.
Смахните пыль с лица, очистив души
И припадите, чистые, к Кресту!

Беглец

ГДЕ-ТО НА ЗЕМЛЕ...

... И спросил Бог у садовника, где кроется смысл мироздания – и указал тот на землю.

... И спросил Бог у рыбака, где кроется смысл мироздания – и указал тот на воду.

... И спросил Бог у астронома, где кроется смысл мироздания – и указал тот на небо.

Прошёл день, потом два, потом неделя. И забыл каждый о своём разговоре, и продолжал посвящать себя с любовью и старанием любимому делу. Через десятки лет появилось у садовника, рыбака и астронома многочисленное потомство. И унаследовало оно от предков преданность делу, вскормившему их самих, и внуков их, и правнуков. Каждый из потомков продолжал дело своих отцов, искренне веря, что таится у них в руках смысл мироздания.

Но чем больше развивалось потомство садовника, рыбака и астронома, тем больше сомнений у него возникало. Глядя на процветание, могущество и достаток соседа, невольно задавались они вопросом: не утаили ли их предки какой-то тайны, не подвластной уму их и пониманию. С опаской поглядывали они друг на друга, постепенно впадая в тоску и уныние, стали они сомневаться, что только им одним подвластна истинная суть мироздания. И тут же корили они себя за слабость, ибо то, что вскармливало их самих, и внуков их, и правнуков, и являлось для них смыслом мироздания.

В один день возгорелись их сердца кровной обидой, и решили они направиться на поиски Истины и решить, кто же из них на самом деле избранный, а кто – обыкновенный самозванец. Узнал об их планах Господь, и призвал их к себе на праздник. Огляделись по сторонам потомки садовника, рыбака и астронома и удивились. Вместо рая, каким они рисовали его в своём воображении, предстал их глазам обыкновенный земной пейзаж с садом, рекой и безоблачным небом. Каждый из них в тайне порадовался, мол, не обманули меня предки, ибо Господь видит своё творение теми же глазами, что и они сами.

Во время обеда велел Господь садиться им не группами, а всем вместе за один стол. Выбора у них не оставалось, и последовали они Его приказу. Отведали они за столом множество блюд, одно вкуснее другого. По мере того, как наполнялись их желудки, а вино снимало усталость и напряжение, возвратилось к ним хорошее расположение духа, и за общей беседой вели они себя так же, как их далёкие предки, ибо находили счастье в равенстве и единении.

Довольный увиденным за обедом, спросил Господь по окончании трапезы, что являлось причиной их беспокойства на протяжении стольких лет, и поведали они ему свою историю: «Неужто ошибались наши предки, внушая всем нам одно и то же? Где же на самом деле таится смысл мироздания: на земле, в воде или на небе?»

...И спросил Бог у садовника, разве не вода питает землю, взрастившую твои побеги и не солнечный свет наливает соком твои плоды?

...И спросил Бог у рыбака, разве не земля взрастила то дерево, из которого сделал ты свою лодку, и не безоблачное небо усмиряет непогоду и позволяет тебе выйти на промысел?

...И спросил Бог у астронома, разве не на земле ты стоишь, устремляя взгляд в далёкое небо, и не водой омываешь уставшие глаза и приборы?

Смысл мироздания у всех вас перед глазами, а сила ваша – друг в друге.

* * *

Ты от правды бежал – за завесой шатров
Правду жизни искал среди сказок и снов;
Ты свой лик изменял – и сжигая мосты,
Снова жизнь начинал у последней черты.
Ты в святилищах храмов пытался найти
Потайные шаги потайного пути;
За ступенями тронов скрывался порой,
Всё решая, а кто ты: беглец или герой?
А когда пред Всевышним предстал ты, то здесь
Ты вдруг понял, что ты – только то, что ты есть.

Твой выбор

Родился ребёнок и дальше ему
Придётся не раз выбирать самому,
Налево, направо ли лучше пойти?
Изгнанником быть иль корону нести?

Познавшим миры иль незнающим стать,
Проигрывать всё иль в фаворе играть,
Неистово молодость духа хранить
Ил старцем в монашеской келье служить?

Незримого друга поддержки рука
Иль острое жало стального клинка,
Желание блага иль хитрый расчёт
Поступки твои за собой повлечёт?

Что выберешь ты для бессонных ночей?
Что в памяти прочно осядет твоей?
Победный ли клич или песнь пастуха?
Корона иль чудо простого цветка?

Что проще всего, что не надо нести
Окажется лучшей поклажей в пути...

Старые лица

Лица старые носят морщинок печать,
Ни к чему им слова, им пристало молчать.
Время властной рукой прочертило штрихи —
Лица старые мудры, светлы и тихи.

Возле краешков глаз – три луча-борозды —
Это частых улыбок счастливых следы;
Пять бороздок вдоль лба – ты стереть их не смог,
Размышлений, сомнений, раздумий итог.

Возле губ уголков – паутинка морщин,
У неё может быть очень много причин —
Удивление, грусть наложили свой грим.
Сколько прожитых лет потрудилось над ним?!

Книга судеб лица пред тобой – прочитай!
Это пройденный ад иль потерянный рай?..
Лица старые носят мерцающий взгляд —
Пожелтевшие травы свет солнца хранят!

Жизнь прекрасна в простоте!

Ты с грустью смотришь на витрины:
Меха, картины, арт-дизайн...
Боясь, что жизнь проходит мимо,
Ты в сердце чувствуешь печаль.

Ты очень хочешь дотянуться,
Бежать быстрее, первым быть,
И в миг звездой кино проснуться,
И вкус успеха ощутить...

Хотел?.. – И вот ты «на вершине»:
Аплодисменты, лимузин.
Ты – господин другим отныне,
Но ты – по-прежнему один.

Что с жизнью делать, ты не знаешь,
Пресыщен жизнью, пьян и сыт,
Тебя ничто не удивляет,
А жизнь стремительно бежит.

Тебе бы просто на секунду
Остановиться, отдохнуть,
Услышать музыку, подумать,
Всю жизнь вверх дном перевернуть.

Цветной шатёр раскинуть в поле,
На небе звёзды посчитать,
Прочесть десяток книг, а после
Родных за общий стол собрать.

И пусть года проходят мимо, —
Ты свет отыщешь в темноте!
Жизнь удивительно красива
В своей прекрасной простоте!

Чудо

Когда бы выразить я мог
Неописуемый восторг
От звуков флейты золотой,
Что песней льются надо мной,
От красоты цветков сирени
И часа сна в прохладной тени
Средь суеты большого дня,
Что закружил с собой меня;
От облаков, вперёд бегущих,
От снов, пленительно зовущих
С собой в далёкие края,
Что ждут томительно меня;
Берёзы шелеста родного,
Что мирно шепчет возле дома,
От взгляда тёплого в толпе,
Что адресован, верно, мне;
От слова нужного в минуту,
Когда в душе почуяв смуту,
Я жду поддержки ниоткуда,
Я просто знаю: это – чудо
Вокруг меня и здесь, и там,
Что подведёт меня к Вратам,
Где гласу Божьему внимая,
Я трепещу, я понимаю,
Что лучше всех мирских наград
Ночной фиалки аромат!

Странник

Хлеб, вино и чистый воздух,
Запах яблок и садов,
Балахон, рюкзак и посох —
Я опять к пути готов.

Вот – дома простолюдинов,
Королевские дворцы,
Впереди – леса и нивы,
Козы, овцы, скакуны.

Я – в пути, я не изгнанник.
Вплавь, пешком, верхом в седле...
Я иду, я – вечный странник,
Я шагаю по Земле.

Запах времени

Время течёт, запах времени терпок.
Жизнь коротка, но я знаю, как жить.
Вектор мой жизненный точен и крепок:
Вверх и вперёд, и не надо спешить.

Кажется только, что жизнь быстротечна:
Жизни колёса вращаются вечно.
Скажешь ты, голову к небу подняв,
Истину разом душою приняв:

«Светят нам звёзды, веками мерцая,
Сердцем почувствовав трепет, мой друг,
Радостно вечности миг созерцая,
Времени запах почувствовать вдруг».

Лёгкость

Качаясь у причала
На утренней волне,
Свой день начать сначала
Челнок манит к себе.

И утренняя птица,
Едва начав полёт,
Порхая, ввысь стремится,
С собой меня зовёт.

Вдыхая полной грудью,
Я жизнь горстями пью,
Я думаю о чуде,
Я верю и люблю!

Дорога убегает,
Петляя между дюн,
И ветер дует, дует,
Пахуч, и свеж, и юн!

Надежда

Ван Гог. «Подсолнухи»

МАРСЕЛЬ, 23:40.

Уже поздний вечер. Я сижу на диване и смотрю на висящий на стене холст, на котором расплывается ярко-жёлтое пятно. Оно становится всё больше и больше. У меня уже нет мочи на него смотреть, и я отвожу глаза. А оно появляется каждый раз, как я собираюсь забыть о нём и обо всём, что с ним связано. Казалось бы, всего лишь картина с подсолнухами. Я протёр глаза и постепенно размытые жёлтые круги стали объединяться в чёткие соцветия. Солнечные восковые лепестки и медовая серединка.

Возможно, мне просто стоит умыться и лечь спать. Я посмотрел на часы: было 23:40. Так я и сделаю. Я выключил телевизор, погасил настольную лампу, и пробрался к кровати. Адель спала на животе. А я и забыл, что сегодня она осталась у меня. Её розовая кружевная комбинация открывала маленькое родимое пятнышко на левой лопатке. Я лёг рядом с ней и тут же уснул.

На следующее утро меня разбудил звук льющейся воды. Должно быть, Адель принимала душ. Эта мысль застыла у меня в голове, и я не заметил, как снова провалился в сон. Через некоторое время меня разбудил манящий запах кофе. Я понятия не имел, сколько времени и почему-то решил, что уже перевалило за полдень, и быстро вскочил с кровати. Это пульсирующее ощущение тревоги подкатывало ко мне не впервые. На самом деле, шёл всего десятый час и я вспомнил, что сегодня не надо на работу.

Адель готовила завтрак: омлет с ветчиной, тёплые булочки и кофе.

– Доброе утро, – хрипловатым голосом поздоровался я и сел за стол.

– Доброе утро. – Адель ласково приобняла меня за плечи и поцеловала в затылок.

– Давно встала? – поинтересовался я, делая глоток кофе.

– О, Господи, Шарль! Ты всё в своём духе! – рассмеялась Адель, театрально закатывая глаза. – Знаешь, я не привыкла смотреть на часы по выходным. Но в следующий раз, если хочешь, я запомню, чтобы доставить тебе удовольствие.

– Тебе это и так удаётся, – полушутя – полусерьёзно парировал я, и ущипнул её за коленку.

Только освоив добрую половину омлета, заметил, что всё это время она не сводит с меня своих хитрых кошачьих глаз.

– Ты что-то задумала? – спросил я с серьёзной миной, глядя себе под нос, как делал всегда, когда собирался что-либо разузнать. Она загадочно улыбнулась.

– Ну... Думаю, тебе будет приятно узнать, что я договорилась насчёт картины, – она сделала эффектную паузу и посмотрела на меня в упор. – Я посчитала, что так не может больше продолжаться. В следующий четверг в восемь вечера придёт оценщик. Но ты должен пообещать мне одну вещь. – Она серьёзно посмотрела мне прямо в глаза. – Шарль, пообещай мне, что не забудешь!

– Не беспокойся, я не забуду и, Адель... – я вкрадчиво на неё посмотрел, – спасибо. Мне с тобой необычайно повезло!

Ещё в начале наших отношений с Адель я имел неосторожность рассказать ей о картине и о печальной истории, которая меня с ней связывала, и с тех пор она не оставляла попыток огордить меня от тягостных воспоминаний. В принципе, картина с подсолнухами мне не мешала, но я давно перестал смотреть на неё с радостью и восторгом. Я давно подумывал продать картину или пристроить её в какую-нибудь частную коллекцию, но всё не решался. А потому не

нашёл ничего лучше, чем принять предложение Адели и избавиться-таки от картины, с которой меня связывало столько непростых воспоминаний.

Четверг прошёл незаметно. Пятно в моей памяти, в котором хранилось напоминание насчёт картины, за эту неделю неумолимо таяло, и к назначенному сроку в назначенный день стёрлось окончательно. В общем, я нарушил обещание, и забыл. Я снова погряз в чертежах, был слишком сосредоточен на работе, и попросту не вернулся домой к назначенному сроку. В 23:00 позвонила Адель: «Слушай, завтра утром принеси картину в офис, – стараясь скрыть недовольство, попросила она, – Сабина отвезёт её по адресу, который я скину ей на электронную почту».

Сабина была моей секретаршей вот уже пять лет. За это время она сумела неплохо меня изучить, хотя сама оставалась для меня *terra incognita*.⁵ Она была самой скрытной девушкой из всех, каких мне доводилось встречать. К тому же, она была невероятно худа и безвкусно одевалась. Мешковатые свитера, растянутые юбки, очки в толстой оправе. Наверное, поэтому ей никогда не сходило с рук то, что прощалось более симпатичным девушкам. Пользуясь этим обстоятельством, другие сотрудницы частенько пытались свалить на неё свои косяки, и она лидировала по количеству внеурочных часов, проведённых в офисе. Никто и никогда не видел и тени эмоций на её лице, когда она на тебя смотрела, было неясно, чувствует ли она симпатию или посылает собеседника куда подальше.

На следующий день я появился со свёртком в подмышке, и первым делом вызвал Сабину к себе. «Кажется, она была так одета ещё неделю назад», – подумал я, но вместо этого сказал:

– Доброе утро, Сабина. Полагаю, вам уже сообщили, куда доставить этот пакет, – я кивнул в сторону холста, прислонённого к стене.

– Если честно, то нет... – рассеянно ответила она, переминаясь с места на место. – Я должна получить e – mail с точным адресом с минуты на минуту. Но, в любом случае, сегодня во второй половине дня будет крайне трудно это сделать. В офисе полно работы.

– Полноте, Сабина! Картина должна быть доставлена сегодня же. Я планировал расстаться с ней ещё вчера, но я... в общем, я забыл и встреча не состоялась. Постарайтесь выкроить время, в крайнем случае, поедете после работы. Дело крайне важное.

Сабина молча меня слушала, а я не понимал, почему я чувствую себя так дискомфортно. В конце концов, она не замужем и у неё нет детей. Я не отрывал её ни от каких важных дел. Конечно, она могла бы легко поставить меня на место, сообщив, что решение моих личных проблем не входит в её должностные обязанности, но она этого не сделала. Она просто молча кивнула в знак согласия. Почему она так на меня смотрит? О чём она сейчас думает?

⁵ Неизвестная земля (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.